

ке, установленном ст. 237 УПК Республики Беларусь, не будут иметь юридической силы, а попытки переписать, изменить, дополнить ранее данное заключение влекут уголовную ответственность.

Обращает на себя внимание тот факт, что эксперт в ходе допроса не дополняет выводы, данные им в заключении, а только разъясняет их. Иными словами, в некотором смысле, делает свои выводы более понятными, не подменяя их, что фактически ставит в один доказательственный ряд заключение эксперта и показания (разъяснения), данные им на допросе.

Например, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (РФ) законодатель урегулировал данный вопрос, поставив в один ряд заключение эксперта и его показания, отнеся их к источнику доказательств с одинаковой доказательственной силой.

Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются заключение и показания эксперта.

Полагаем, такой подход к определению источников доказательств более правильным, поскольку, как уже говорилось ранее, показания эксперта неотъемлемы от данного им заключения, и носят исключительно разъяснительный характер.

Согласно ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ следует, что заключением эксперта являются представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. В свою очередь, показания эксперта – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ.

Проанализировав нормы УПК Республики Беларусь, дающие сходные понятия терминов «заключение эксперта» и «допрос эксперта», видно, что в целом они согласуются с уголовно-процессуальным законодательством РФ, за небольшими изъятиями, указанными выше.

В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь, предусмотрев в ней в качестве источника доказательств также показания эксперта, полученные при его допросе.

Аналогичным образом необходимо дополнить ст. 95 УПК Республики Беларусь, изложив в ней понятие и пределы допроса эксперта.

Таким образом, отнесение показаний эксперта к источнику доказательств в законодательстве Республики Беларусь, наравне с заключением эксперта, имело бы существенное значение, как по своей сущности, так и по виду и свойствам, упростив процесс доказывания и придав

юридическую силу показаниям (разъяснениям) эксперта, в том числе при использовании показаний эксперта в судебном заседании, которые часто отражаются в приговоре.

УДК 343.13

Е.А. Черкасова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В текущем 2022 г. исполнилось 20 лет со дня вступления в силу Федерального закона, регламентирующего процедуру привлечения к ответственности лица, совершившего преступление, – Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

В данный нормативный акт за время его действия были внесены изменения более чем 300 федеральными законами, что свидетельствует о недостаточной правовой регламентации в первой редакции закона всех практически значимых ситуаций при производстве по уголовному делу.

Действующая редакция уголовно-процессуального закона включает ряд институтов, появившихся в УПК РФ после вступления в силу, – дознание в сокращенной форме, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности. Все эти институты представляют собой процедуры, направленные на упрощение порядка привлечения к уголовной ответственности.

Ряд институтов, включенных в уголовно-процессуальное законодательство, претерпели изменения. Так, например, существенные изменения внесены законодателем в круг полномочий прокурора и руководителя следственного органа на этапе предварительного расследования. В судебном разбирательстве при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей уменьшилось количество присяжных заседателей, а также появилась возможность рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей в районном суде и гарнизонном военном суде. Важные изменения претерпели главы УПК РФ, регламентирующие апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовному делу.

Однако, подводя итоги действия УПК РФ, ученые-процессуалисты высказывают различные точки зрения – либо о необходимости совершен-

ствования действующего уголовно-процессуального законодательства [3, с. 102], либо о подготовке и принятии нового УПК [1, с. 7; 5, с. 62].

Помимо рассмотренных предложений, связанных с совершенствованием действующего УПК РФ, ряд ученых-процессуалистов высказывают точку зрения о необходимости разработки и принятия нового уголовно-процессуального закона, регламентирующего электронное производство по уголовному делу [2, с. 730; 4, с. 95–96].

Нам кажется, что переход к новым цифровым технологиям в уголовном судопроизводстве неизбежен, поскольку информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Пока производство по уголовному делу относится к видам деятельности российского государства, в наименьшей степени подвергшимся цифровизации.

Однако разработка нового уголовно-процессуального законодательства, переход на его основе к электронному уголовному делу должны быть постепенными и последовательными.

В первую очередь требуются значительные усилия ученых-процессуалистов, связанные с подготовкой соответствующих научных работ. Проект нового уголовно-процессуального закона должен быть подготовлен с привлечением ведущих ученых-процессуалистов, а также практиков. Он должен учитывать передовой опыт зарубежных государств, связанный с внедрением в уголовное судопроизводство цифровых технологий. Принятие нового УПК РФ должно сопровождаться подготовкой необходимого программного обеспечения, а также повышением квалификации лиц, ведущих производство по уголовному делу.

1. Балакшин, В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В.С. Балакшин // Вестн. Ур. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 3. – С. 3–7.

2. Вилкова, Т.Ю. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу / Т.Ю. Вилкова, Л.Н. Масленникова // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – Вып. 46. – С. 728–751.

3. Гаврилов, Б.Я. 15 лет УПК РФ – мифы и реалии досудебного производства / Б.Я. Гаврилов, А.В. Красильников // Акад. мысль. – 2017. – № 1. – С. 100–110.

4. Качалова, О.В. Уголовно-процессуальные проблемы информатизации современного уголовного судопроизводства / О.В. Качалова // Рос. правосудие. – 2019. – № 2. – С. 95–98.

5. Кругликов, А.П. Некоторые проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и необходимость принятия нового УПК РФ / А.П. Кругликов // Legal Concept. – 2018. – № 2. – С. 59–62.

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 2018 г. в российском уголовно-процессуальном законодательстве появилась мера пресечения в виде запрета определенных действий. За сравнительно небольшой промежуток времени данная мера показала, что является хорошим и эффективным инструментом воздействия на подозреваемого и обвиняемого.

В настоящее время применение меры пресечения в виде запрета определенных действий предусмотрено ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

В данной статье рассмотрен запрет на управление транспортным средством как один из видов запретов, устанавливаемых судом в качестве меры пресечения. Актуальность выбранной темы обусловливается наличием правовых и практических проблем, возникающих в процессе применения и контроля данного запрета.

Запрет на управление транспортным средством довольно часто используется судом при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения. Так, только в Республике Коми за 2021 г. в отношении 50 лиц был наложен запрет на управление транспортным средством [1].

Рассмотрим правовую основу, регламентирующую меру пресечения, – запрет управлять транспортным средством. Согласно п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством возлагается, если преступление связано с нарушением правил дорожного движения [2]. В ч. 11 данной статьи в также прописано о контроле за соблюдением подозреваемым и обвиняемым запретов, установленных ст. 105.1 УПК РФ. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства контроль за соблюдением запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, возлагается на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительные функции по надзору в сфере исполнения уголовных наказаний [2], т. е. уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ).

УИИ, в свою очередь, при контроле за указанными запретами руководствуется приказом Министерства юстиции России от 20 мая 2009 г.